

Б. Ю. Норман (Минск)

О НЕПОЛНОЙ ПАРАДИГМЕ СЛОВА

Слово реализует свое лексическое значение только в определенных грамматических условиях. Иначе говоря, лексическое значение участвует в процессе передачи информации только в сочетании с определенными грамматическими значениями. Для языков с развитым словоизменением наглядным проявлением этой взаимосвязи, фокусом взаимодействия лексического и грамматического значений служит парадигма слова. В данной статье мы будем опираться на факты словоизменения в русском языке, однако думается, что к аналогичным выводам можно прийти и исследуя материал любого другого языка синтетического строя.

Поскольку текст не ограничен в своей длине, он в принципе гарантирует реализацию всей парадигмы. Однако довольно часто парадигма конкретного слова бывает неполной: та или иная ее «клеточка» оказывается незаполненной. Здесь намечаются четыре ситуации:

а) в парадигме слова отсутствует отдельная словоформа (например, в русском языке у слов *мечта* и *мольба* нет форм родительного падежа множественного числа: нельзя сказать «мечт» и «мольб»; у глаголов *победить*, *дудеть*, *очутиться* отсутствует форма 1-го лица ед. ч. настоящего времени; от глаголов вроде *петь*, *пить*, *бить*, *рвать*, *писать* не образуются деепричастия и т. п.). В данных конкретных случаях какая-то «клеточка» матрицы словоизменения оказывается пустой, незаполненной;

б) вся парадигма слова сводится к одной-единственной форме: эта словоформа становится полномочным репрезентантом слова (наиболее известные в русском языке примеры: *щец*, *дровец*, *дружище*, *по мордасам*, *ни зги*, *памятуя* и т. п.). Это, так сказать, «штучный» отдел морфологии;

в) в парадигме отсутствует ряд форм, объединенных грамматическим значением. Иными словами, какая-то граммема в составе парадигмы не реализуется (самый яркий пример – классы существитель-

ных *singularia tantum* и *pluralia tantum*). Эта дефектность мотивирована семантически;

г) у лексико-семантической группы слов не реализуется какое-то грамматическое значение. Так, от ряда русских прилагательных цветовой семантики (в частности, обозначающих цвет через отношение к предмету – *коричневый, сиреневый, шоколадный, салатный, кремовый* и др.) не образуется краткая форма. Другой пример – отсутствие форм местного падежа у слов типа *верх, низ, перед, зад, бок* [2]. Эти случаи дефектности также нуждаются в семантическом объяснении.

Необходимо оговориться, что все упомянутые выше запреты и ограничения на словоизменение носят относительный характер. При наличии коммуникативной или эстетической сверхзадачи (например, в художественном тексте) они могут утрачивать свою силу, ср. цитату:

Хотелось еще сказать о Монте-Карло, о мечте выиграть в рулетку, ну, хотя бы сто тысяч, но, посчитав эту мечту все-таки мелкой, я так и не упомянул о ней. Теперь жалею, так как из трех мечт, трех обещаний два уже выполнил... (В. Некрасов. Взгляд и нечто).

А поэт А. Вознесенский, отталкиваясь от застывшего русского выражения *по мордасам*, легко реконструирует форму винительного падежа *мордасы*:

Бей, женщина! Массируй им мордасы...

(А. Вознесенский. Бьет женщина).

Нередко неполноту парадигмы трактуют как какую-то болезнь или уродство (бытуют даже определения «ущербная», или «дефектная», парадигма). Эти отклонения возникают, как считают многие ученые, из-за столкновения фонетических, морфологических и иных факторов; можно видеть в подобных случаях и проявление своего рода «капризов» языка [8, с. 121]. Однако думается, что названные факты заслуживают более глубокого рассмотрения в свете лингвистической теории.

Неполная парадигма, когда речь идет об отдельном слове, обнаруживается лишь на фоне полной парадигмы всего грамматического класса (части речи и т. п.). Не заполненную по тем или иным причинам «клеточку» матрицы носитель языка вправе соотносить с заполненными «клеточками» у других слов: системный характер языка позволяет ему сделать это.

Скажем, в русском языке есть такое устойчивое выражение *с кондачка* со значением ‘не вникнув в существо дела, не подумав,

наскоком, кое-как'. Можно сказать: *Не стоит решать с кондачка; Такие дела с кондачка не делаются* и т. п. Выражение не имеет других вариантов, оно застыло в этой форме и, кстати, этимологически остается неясным. Нельзя сказать ни «кондачком», ни «по кондачку»... Тем не менее, составители словарей, в частности БТСРЯ, реконструируют парадигму этого слова и фиксируют исходную форму именительного падежа: *кондачок* [1]. На каком основании это делается? По-видимому, лексикографы соотносят данное выражение с другими ему подобными (ср.: *с наскоку* – исходная форма *наскок*, *с разбега* – исходная форма *разбег*, *с испуга* – исходная форма *испуг*, так и *с кондачка* – исходная форма *кондачок*).

В сущности, аналогичную процедуру проделывает в своей «наивной грамматике» и обычный носитель языка. Это нетрудно показать на примере лексикализирующихся предложно-падежных форм,

Известно, что «усыхание» парадигмы у конкретного существительного ведет к адвербиализации отдельных ее членов. Именно таков путь развития многих предложно-падежных словосочетаний в русском языке: *без обиняков, в сердцах, до отвала, понаслышке, наизготовку, вразвалку, впросак, напропалую, сверху, внове* и т. п. (независимо от того, появлялись ли какие-то из них действительно из слияния предлога с существительным или же по словообразовательной аналогии с уже готовыми наречными образованиями). Однако системный характер языка позволяет человеку по одной словоформе восстановить всю парадигму. Отдельная словоформа – это тот «черепок», по которому носитель языка реконструирует всю амфору. Нередко это делается с особым эстетическим заданием, ср. примеры:

Наслышка. ...Блок впервые прочитал Ницше в 1906, а до этого всё было понаслышке (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Очень всё справедливо и поучительно, но где лукавство, где обиняк, где меткость, выразительность и юмор? (Н. Ильина. Белогорская крепость).

Показательны в этом отношении анекдоты про разведчика Штирлица (героя телесериала «Семнадцать мгновений весны»). Многие из них не очень смешны, но зато любопытны с лингвистической точки зрения: «обратное словотворчество» в этом жанре фольклора принимает поистине всенародный характер (см., в частности, электронный ресурс: <http://cmeh.ru/aneddot/shtirlic/>):

*Штирлиц надел шляпу **набекрень**. **Бекрень** обиделась и ушла.*

*Штирлиц шел **вразвалку**. Он не знал, что «**Развалка**» закрыта.*

*В предчувствии приятного вечера Штирлиц сидел за стойкой и смотрел **наружу**. **Ружа** была девочка что надо.*

***Впоныхах** Штирлиц оставил секретные документы. На следующий день в **Попыхи** нагрянуло гестапо.*

Конечно, условия жанра определяют конкретные возможности использования языковой игры. Вместе с тем, приведенные примеры – удобный повод подчеркнуть, что полнота парадигмы – не искусственная филологическая проблема, а один из аспектов обыденного метаязыкового сознания [об этом понятии см.: 7, с. 7–40]. Кстати, по отношению к словам, употребляющимся, как правило, во множественном числе и приближающимся в этом отношении к *pluralia tantum*, носитель языка испытывает трудности, когда возникает необходимость определить их грамматический род (в единственном числе). Так, существительное *надолбы* ‘противотанковое заграждение из бревен, металлических, железобетонных балок или камней, врытых в землю’, дается в словарях как *надолб* или *надолба* (БТСРЯ). Оба варианта, очевидно, с равным правом «выводятся» из словоформы *надолбы*.

Полнота парадигмы может вступать в противоречие с естественным порядком вещей. Слово *простоволосый* употребляется в речи только в женском роде, применительно к женщинам, что связано с патриархальными нравами (в России замужняя женщина должна была, выходя на улицу, прикрывать голову платком). Однако словари, в соответствии с принятой традицией, дают в качестве лемматизированной (условно-исходной) именно форму мужского рода: *простоволосый*. Получается, что у этого слова – полная парадигма. То же самое можно сказать о слове *беременный*: во многих словарях (например, в ТСРЯ) оно дается в исходной маскулинной форме, хотя употребляется нормально в форме женского рода [10]. Впрочем, и в данном случае нетрудно показать, что потенциальная полнота парадигмы может окказионально быть реализована – хотя бы в знаменитой строке поэта-футуриста Д. Бурлюка «Мне нравится беременный мужчина...» или в метафорических контекстах вроде *Писатель, беременный новым романом...*

Таким образом, **полнота словоизменительной парадигмы – это потенциальное, виртуальное свойство, вытекающее из системного**

характера языка. В то же время в сознании человека слово существует не только в связи с идеальной моделью его словоизменения, но и в виде набора реально употребляемых словоформ. Протицируем одного из создателей когнитивистской «модели, основанной на языковом употреблении» (usage-based model): «Сосуществование в пределах грамматики общих схем и конкретных примеров предоставляет говорящему альтернативные пути для достижения составного регулярного выражения, имеющего статус единицы: можно обратиться к нему «напрямую», но можно и вывести его по схеме» [4, с. 164]. С этих позиций, самому слову полная парадигма не нужна: ему для реализации в какой-то форме достаточно опоры на прецедент, на «конкретный пример». Соответственно, полнота парадигмы слова выступает как **относительный признак**, а неполнота оказывается инструментом, «шифрующим» лексическое значение, помогающим закрепить его в сознании носителя языка.

А. Л. Шарандин, разрабатывающий принципы «лексической грамматики», указывает на особую значимость дефектности парадигмы для этого вида лингвистического описания. Причем, протицируем, «в онтологическом аспекте семантическая дефектность не есть собственно дефектность. Уникальность знакового содержания, представленного лексическим значением, в том и состоит, что слово стремится иметь только свойственный ему набор грамматических форм» [11, с. 25]. Иное дело – та же дефектность в гносеологическом аспекте. Она оказывается важнейшим инструментом для изучения и описания лексической семантики: исследователь использует состав грамматических форм, свойственный одному слову, «в сравнении с набором (составом) форм, присущих другим языковым знакам. В результате обнаруживаются различия в этих наборах и возникает возможность, опираясь на формальный признак, выявить и описать лексическую семантику слов, имеющих различный состав парадигм и их форм» [11, с. 25].

В качестве примера можно привести лексические темпоративы русского языка, закрепляемые за той или иной падежной (или наречной) формой, ср.: *пятого марта, двенадцатого апреля* (даты); *утром, вечером* (время суток); *зимой, весной* (время года); *во вторник, в пятницу* (дни недели); *в январе, в марте, в прошлом году, в XX веке* (отрезки на временной оси); *на прошлой неделе, на следующей неделе* (только о неделях); *на Первое мая, на Пасху* (праздники); *по понедель-*

никам, по вторникам, по утрам, по 20-м числам (циклы), под Новый год (кануны) и т. п. Получается, что в передаче темпоральной семантики задействованы многие формальные средства русского языка, в частности: родительный падеж, винительный падеж с предлогом *в*, винительный падеж с предлогом *на*, предложный падеж с предлогом *в*, предложный падеж с предлогом *на*, дательный падеж с предлогом *по* и др. Однако эти средства семантически довольно строго специализированы, и каждое из них закреплено за той или иной лексической группой. Так, нельзя сказать по-русски «по январям» или «по мартам», «в понедельник» или «в пятницу»: грамматика должным образом организует лексику [см.: 6]. Такие морфологические ограничения обусловлены функциональной специализацией слова и, шире, коммуникативными потребностями носителя языка.

Если рассматривать языковую систему в движении, в эволюции, то неполнота парадигмы служит диагностирующим признаком, позволяющим установить факт расщепления слова на две единицы, на два лексико-семантических варианта. Вспомним известные примеры: слово *средство* только в форме множественного числа имеет значение ‘деньги’, а слово *капля* только во множественном числе означает ‘жидкое лекарство’... Существуют и примеры регулярной (т. е. системной) лексикализации, осуществляемой с помощью грамматических средств. В частности, переход существительного из разряда нарицательных в разряд собственных практически сводит его парадигму к одному из чисел (ср. фамилии типа *Лебедь* или *Казак*, топонимы типа *Орел* или *Набережные Челны*).

Говоря о соотношении морфологических и синтаксических характеристик слова, уместно в очередной раз вспомнить известное высказывание Л. В. Щербы: «Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что всё же функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия» [12, с. 64]. В подтверждение этого тезиса можно напомнить о существовании, хотя бы в качестве исключений, тех же неизменяемых существительных. Соответственно, принадлежность слова к данной части речи мы осознаем еще до того, как определяем тип его изменения; это входит в практику освоения слова носителем языка, ср. следующую цитату:

– *Город вы сообразите сами, я в географии не силен, – ответил я. – За это время вы должны мне привезти два куска этого самого чистейшего мумие. Или оно склоняется? Тогда мумия* (И. Губерман. Пожилые записки).

Получается вполне по Щербе: как только мы осознаем слово как существительное, т. е. вкладываем в него предметную семантику и помещаем в соответствующую синтаксическую позицию, мы тут же начинаем его склонять! И все же остается вопрос: происходит ли это с опорой на парадигму всей части речи как чистую абстракцию («матрицу» словоизменения) или же по аналогии с конкретными образцами склонения, уже заложенными в нашей памяти? Причем в случае второго решения следует признать, что для такого – фрагментарного – представления грамматической системы достаточно было бы очень небольшого количества словоизменяемых «прототипов».

Ю. Н. Караулов, поставивший своей целью на материале ассоциативного словаря «восстановить всю систему грамматических форм, т. е. всю русскую грамматику» [3, с. 9], пришел к выводу, что даже ограниченный список из 12 разнородных в частеречном отношении стимулов «показал практически 100-процентное заполнение типовых клеток, т. е. засвидетельствовал наличие в этом небольшом фрагменте АВС (ассоциативно-вербальной сети – *Б. Н.*) всех грамматических фактов для имени существительного в русском языке» [3, с. 18]. Однако при этом оказалось, что поведение испытуемых очень неравномерно «разносит» грамматику по отдельным словам-реакциям. Иными словами, «грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними» [3, с. 6–7]. И если говорить о лексическом воплощении грамматических значений, то приходится согласиться, что какие-нибудь *билет* или *бабушка* в этом свете – более «прототипические» существительные, чем *кондачок* или даже *человек*.

При этом следует пояснить: речь у нас идет не о каких-то «частных» или «дополнительных» грамматических значениях, имеющих под собой заведомо узкую, ограниченную лексическую базу. Польский лингвист А. Богуславский, скептически относящийся к выделению в русском языке ряда «особых» падежей, вроде партитивного или

счетного, говорит об «абсурдной неэкономности» такого подхода и сравнивает его с «музейной инвентаризацией» [13, с. 189]. Но в нашем случае имеются в виду «нормальные» грамматические значения, с максимально широким охватом лексики и регулярным выражением. И вот они-то, оказывается, в сознании носителя языка привязываются к лексическим прототипам.

Однако если речевая деятельность носителя языка легко выбирает из всего множества конкретных словоформ нужные в данный момент аналоги, образцы, то спрашивается, о какой полной парадигме может идти речь? Парадигма отдельного слова «имеет право» быть неполной, более того – это ее естественное состояние! Действительно, именно к такому выводу приходит Ю. Н. Караулов: свойством ассоциативно-вербальной сети «следовало бы считать принципиальную неполноту парадигмы для каждой лексемы; ...не существует такого ассоциативного словаря или тезауруса, который содержал бы в качестве реакций полную парадигму хотя бы одной лексемы; полная парадигма в АВС может быть представлена только в диссипированном виде» [3, с. 188–189].

Разорванность, «разлитость» грамматики по отдельным лексемам, «лексикализация» грамматической формы – явление, может быть, неудобное для лингвиста, но не приносящее никаких затруднений самому носителю языка. В то же время, если у слова реально отсутствует в текстах та или иная грамматическая форма, то это, можно сказать, идет ему на пользу. Это именно то, о чем мы говорили применительно к «лексической грамматике» А. Л. Шарандина [ср.: 5, с. 151–156].

Еще до появления корпусных исследований представление о реальной стоимости грамматических репрезентантов слова можно было составить по традиционным (или «классическим») лексикографическим источникам. Как известно, в Словаре языка Пушкина (СЯП) каждая лексема сопровождается не только примерами словоупотребления, но и статистикой словоформ. Скажем, весьма показательное для многих слов соотношение форм единственного и множественного числа. Так, для лексемы *слеза* из 281 употребления, зафиксированного в пушкинских текстах, 274 имеют форму множественного числа и только 7 – единственного. Для слова *глаз* из 341 употребления 323 представлены формами множественного числа и лишь 18 – формами

единственного. Для лексемы *волос*, дающей в сумме 59 словоупотреблений, соотношение форм множественного и единственного числа выглядит как 54 к 5 и т. д. Из 8 словоупотреблений лексемы *ноздря* все восемь – во множественном числе... [9]. Конечно, никто не скажет, что *слеза* или *ноздря* в русском языке – существительные *pluralia tantum*. Но речевая действительность наглядно демонстрирует **неравновесность** отдельных «клеточек» парадигмы у этих слов. Понятно, данный факт обусловлен жизненной практикой носителя языка: слезы или волосы чаще существуют «во множестве», так же, как глаза и ноздри – парами.

Не менее характерны количественные показатели употребления падежных форм. Возьмем для примера слово *панерть* – место перед входом в церковь, где просят подаяние, и т. п. В текстах это типичный локатив, словоформа *на панерти* составляет основную массу употреблений данной лексемы (у Пушкина, в частности, из 12 словоупотреблений 9 – именно *на панерти*). Само собой, это не значит, что у существительного *панерть* неполная парадигма. Теоретически возможны и *панерти* (родительный, дательный, предложный падежи единственного числа), и *панертью* (творительный единственного), и *панертями* (творительный множественного) и т. д. Но человеческий опыт, очевидно, не использует *панерть* ни как адресат (а потому дательный падеж от этого слова не употребителен), ни как инструмент (а потому не употребителен творительный)... Разумеется, парадигма существительного в русском языке, парадигма «как таковая», при необходимости смогла бы (и сможет) представить *панерть* в этих сегодня не востребованных функциях. Но речевая данность очерчивает реальный круг когнитивных и коммуникативных потребностей человека.

С момента появления корпусов текстов лингвистическое решение данной проблемы значительно упростилось. Исследователь может проверить на большом фактическом материале, как реализуется в устной или письменной речи парадигма того или иного слова.

Приведем конкретный пример. В русском языке существует сравнительно малоупотребительное слово *зеленца* со значением ‘зеленоватый оттенок’. Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru/>) дает на эту лексему 49 вхождений (40 в основном корпусе и 9 в газетном). Если исключить из этой суммы посторонние

значения (*зеленец* как маленький огурец, топоним *Дальние Зеленцы* и т. п.), то остается 14 словоупотреблений. По падежам они распределяются так:

Именительный падеж: *зеленца (Ворота покрыла зеленца)* – 1 случай.

Винительный падеж с предлогом *в*: *в зеленцу (физиономия, отдававшая в зеленцу)* – 1.

Творительный падеж: *зеленцой (Верха тронуты зеленцой, Плита покрылась зеленцой, Папка поблескивает зеленцой* и т. п.) – 6.

Творительный падеж с предлогом *с*: *с зеленцой (антоновка с зеленцой, лица с зеленцой, звезда в мартовском небе с зеленцой* и т. п.) – 6.

Никаких других падежных и предложно-падежных форм – ни родительного, ни дательного, ни предложного падежей ни с какими предлогами – на огромном объеме в 140 млн. слов не зафиксировано. Это можно считать ярким примером упомянутого выше феномена лексикализации грамматики.

Еще один пример. В русском языке существует существительное *прискорбие* со значением ‘*скорбь, печаль, горестное сожаление*’ (БТСРЯ). Национальный корпус русского языка фиксирует на это слово 327 вхождений. Среди приводимых контекстов есть и такие, как *Я – само прискорбие*, и *Вообразите мое прискорбие...* и т. п. Однако абсолютное большинство словоупотреблений представлено всего двумя словоформами: *с прискорбием* и *к прискорбию*. Опять-таки никто не говорит об ущербности парадигмы слов *зеленца* или *прискорбие*, но в речи, оказывается, «жизнь» этих слов сводится буквально к считанным, можно сказать – штучным, формам.

Таким образом, речевая неполнота парадигмы отдельных слов – совершенно естественный факт, мотивированный самой природой языка как средства познания и общения. С одной стороны, неполнота парадигмы фиксирует, «шифрует» лексическое значение, позволяет ему формально выделиться на фоне других значений. Это – гносеологический аспект рассматриваемого явления. А с точки зрения онтологии, неполнота парадигмы того или иного слова отражает состояние языковой картины мира, закрепляет результат когнитивного и коммуникативного «освоения действительности», достигнутый в настоящий момент.

По сути, мы приходим к выводу о необходимости различать неполноту парадигмы как **языковое явление** (именно оно и отражено в начале статьи в виде четырех исчислимых типов) и неполноту парадигмы как **речевое явление**, охватывающее огромное количество случаев, а фактически – всю лексику. В первых случаях (типа *мечта*) неполнота парадигмы фиксируется нормой литературного языка, а во вторых (типа *зеленца*) – узусом. Но, с нашей точки зрения, непреодолимой преграды между этими феноменами нет, как не может ее быть между самими языком и речью.

1. *БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998.

2. *Иомдин, Л. Л.* Семантическая неполнота русских именных парадигм / Л. Л. Иомдин // *Die Welt der Slaven*. XLI. – 1996. – С. 361–384.

3. *Караулов, Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М., 1993.

4. *Лангаккер, Р. В.* Модель, основанная на языковом употреблении / Р. В. Лангаккер // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. – 1997. – № 4. – С. 160–174.

5. *Норман, Б. Ю.* Грамматическая информация в словаре vs. лексическая информация в грамматике / Б. Ю. Норман // *Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика* (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII). – Тарту, 2002. – С. 148–162.

6. *Норман, Б. Ю.* К семантике предложно-падежной формы / Б. Ю. Норман // *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. Peter Lang Verlag, 2008. – С. 191–198.

7. *ОМЯС I* – Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово – Барнаул, 2009. – Ч. I.

8. *Панов, М. В.* Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М., 1999.

9. *СЯП*: Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М., 1956–1961.

10. *ТСРЯ*: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.

11. *Шарандин, А. Л.* Методология лексической грамматики / А. Л. Шарандин // *Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы: сб. материалов Всероссийской науч. конф.* / отв. ред. А. Л. Шарандин. – Тамбов, 2009. – С. 13–28.

12. *Щерба, Л. В.* Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957.

13. *Bogusławski, A.* Dwa studia z teorii fleksji (i inne przyczynki) / A. Bogusławski. – Warszawa, 2010.